

УДК 17 (091) (043.3)

М.Г. Шатерник

магістр філос. наук, аспірант каф. філасофіі культуры
Белорусского государственного университета
e-mail: 33mg@mail.ru

СРАВНЕНИЕ ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ДИСКУРСА М. ФУКО И Ю. ХАБЕРМАСА

Компаративный анализ философско-этических подходов к дискурсу М. Фуко и Ю. Хабермаса осуществляется на основании реализации дискурсного подхода в этике. Критериями для сравнения выступили онтологические, гносеологические, телеологические, аксиологические и методологические особенности их дискурсных подходов к этике. Подход М. Фуко в большей степени ориентирован на выявление сущностных характеристик дискурса как онтологического и гносеологического основания моральных понятий и суждений. Изыскания Ю. Хабермаса направлены на поиск коммуникативных и аргументативных путей обоснования притязаний моральных истин на всеобщую значимость. Подход М. Фуко открывает перспективы для онтологического обоснования дискурсной методологии анализа морали в рамках постнеклассической этики. Идеи, выработанные Ю. Хабермасом, могут быть применены для исследования коммуникативного аспекта морального дискурса.

Введение

Современная этика все больше склоняется к трактовке морали в контексте теории дискурса. Дискурсный подход до сих пор остается весьма неоднородным трендом в социогуманитарных исследованиях, а в этической науке названная трактовка является нововведением, приводящим к пересмотру фундаментальных оснований самой морали. Наиболее значимыми персоналиями, в чьем философском творчестве объединены теория дискурса и этическая проблематика, являются М. Фуко и Ю. Хабермас. Хотя понятие «дискурс» для обоих мыслителей является ключевым, сопоставление их теорий дискурса не стало предметом специального анализа. В современной научной литературе можно встретить исследование их роли в разработке критической социальной теории [1] или принципов построения гражданского общества [2]. Таким образом, сравнение подходов этих авторов к реализации дискурсного подхода в этике представляется весьма актуальным.

Несмотря на то, что и М. Фуко, и Ю. Хабермас использовали дискурсный подход к морали, нетрудно заметить несовпадение проблемных полей их исследований. Причиной тому, как представляется, послужили различия в базовых философско-методологических основаниях их теорий. Теория М. Фуко в полной мере соответствует специфике постнеклассической философии, в рамках которой, собственно, и сформировался дискурсный подход в его современном виде. Это стало возможным благодаря особенностям французской традиции философствования, в которой идеи структурализма и постструктурализма занимали особое место. В результате обогащения идеями лингвистики и литературной критики в философии развивается новая онтология, происходит стирание границ между субъектом и объектом, распространяется понимание процесса исследования как конструирования смысла объекта, себя самого, социальной реальности.

Философско-методологические основания теории Ю. Хабермаса детерминированы особенностями традиции немецкой критической философии, к которой, несомненно, принадлежит Ю. Хабермас и в основе которой лежит рационализм, усиленный завещанным К. Марксом стремлением «не объяснять мир, но изменять его». Поэтому дискурс в философии Ю. Хабермаса предстает как деятельность по изменению социальной реальности посредством выявления лучшего, разумного аргумента.

Научный руководитель – Е.Н. Беляева, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии культуры Белорусского государственного университета

Вместо хабермасовского вопроса о том, как достигается знание о «правильных» моральных усмотрениях, М. Фуко ставит вопрос о самом познающем субъекте, об онтологических и социальных механизмах языка, делающих наше знание о человеке таким, какое оно есть.

Между тем у данных мыслителей есть и общее. Это философская ориентация на критическое исследование и познание культуры, в которой только человек и способен увидеть свое истинное лицо, а также методологическое обращение к дискурсу как способу решения гносеологических проблем морального знания, знания добра и зла.

Предлагаемые ниже параметры сравнения позволяют не только вычленить общее и особенное в идеях М. Фуко и Ю. Хабермаса, но и определить, для решения каких этических проблем дискурсивный подход стал необходимым.

Гносеологическая проблема природы моральных истин

Подход М. Фуко к дискурсу инспирирован интересом к истории идей и истории познания. Его интересовали механизмы формирования знания и понятий о том, что «нормально» и что таковым не является, о том, что «хорошо» и что представляется «плохим» в определенную эпоху. М. Фуко интересуют периоды большой длительности, образующиеся в историческом познании, то, как образуются и как связываются данные совокупности, а также прерывности, которые отделяют одно образование от другого. Другими словами, Фуко интересуется структура таких совокупностей, которые он называет дискурсивными формациями, их универсальные онтологические свойства и их исторические импликации.

Исследования Ю. Хабермаса спровоцированы интересом к одной из основных проблем этики – возможности построения истинных моральных суждений. Нонкогнитивистским моделям он противопоставил идею о рациональной природе морали, проявляющейся в аргументированном дискурсе. Таким образом, обращение к дискурсу является общим методологическим ходом для обоих мыслителей, ведущим к обоснованию возможности истины, в том числе моральной.

Ю. Хабермас разработал концепцию моральной истины, которая включает следующие принципы: а) intersубъективность (признание всеми участниками дискурса притязаний некоего тезиса на нормативную значимость); б) доказательность (моральная истинность обеспечивается силой лучшего аргумента); в) действенность (моральное усмотрение является истинным, если оно наиболее эффективно).

В концепции истины М. Фуко явно присутствуют ноты релятивизма: поскольку машина дискурса определяет значения понятий в конкретном месте и в конкретное время, постольку истина, добро, норма исторически изменчивы. Познать истинность моральных суждений для Ю. Хабермаса – значит дискурсивно определить такое состояние моральных усмотрений, которое было бы максимально аргументированным и действенным в определенной ситуации. М. Фуко более сдержан в этом вопросе и считает, что истинность и ложность – это категории логические, а прагматика зависит от конкретных условий, которые перманентно текут.

Теория морального дискурса и онтология

Теория М. Фуко предстает как фундаментальная, онтологически обоснованная концепция. Сам дух дискурсивного подхода отсылает к тому, что бытие, по крайней мере социальное, дискурсивно организовано. Оно может быть понято как текст или книга. В такой организации есть как универсальные принципы, так и исторические, определяющие практику различного применения общих фундаментальных принципов. По сути, можно говорить о диахронном и синхронном членении дискурсов. В поздних работах французский мыслитель понимает дискурс как онтологию языка и, соответственно, со-

циальной реальности: как совокупность высказываний, фиксирующих исторически меняющиеся способы производства знания [3]; как социальный механизм порождения высказываний о нормах [4]. На уровне практической актуализации философ ведет речь о дискурсах как матрицах практического мышления, или «технологиях» [5, с. 99–100]. Например, можно говорить о технологиях вещей, знаковых систем, власти и технологии себя, которые постоянно взаимодействуют. В этом контексте моральный дискурс может быть понят как технология себя, как историческая форма морали, как семиотика морали, как моральная матрица, претендующая на власть задавать социальные смыслы, как правило моральной оценки *события* вещей.

Ю. Хабермас отмечал, что считает метафизику ложным основанием для объяснения феномена морали, так как «теории метафизического типа ...проходят мимо нуждающихся в объяснении феноменов уже постольку, поскольку они понимают нормативные предложения по ложному образцу» [6, с. 68–69]. Он исходит из когнитивной модели морали как знания. Моральные феномены, полагает философ, раскрываются в ходе формально-прагматического исследования коммуникативных действий, в которых акторы ориентируются на взаимные притязания на значимость. Поэтому моральный дискурс – явление коммуникативно-аргументативное, имеющее чисто прагматические цели.

Моральный дискурс и моральная коммуникация

М. Фуко рассматривает знание сквозь призму феномена рекуррентности, который состоит в том, что текучесть и изменение в настоящем перераспределяют понимание прошлого, делают его неоднородным, образуют несколько форм соединения элементов дискурса, иерархий степеней важности, несколько телеологий. В соответствии с такими постмодернистскими идеями единство знания обеспечивается не столько душой эпохи, группы, школы, но структурой, которой обладает произведение, книга, текст. В основе перманентных преобразований дискурса лежит принципиальная рекуррентность его структуры. Поэтому М. Фуко прежде всего обращает внимание на факторы, относящиеся к самой структуре дискурса, моральная коммуникация протекает между его элементами как акт логического взаимодействия. Трансформации структуры определяют порядок морального дискурса и в итоге находят свою вербальную объективацию в коммуникации людей. М. Фуко понимает дискурс как историческое по форме, но универсальное по сути структурно-логическое образование, в лоне которого протекает процесс смыслообразования. Вербальная объективация является лишь феноменологическим проявлением дискурса. Таким образом, для М. Фуко моральный дискурс не имеет вербальной коммуникативной природы. Напротив, его саморазвивающиеся структуры определяют характер реальной коммуникации.

Подход Ю. Хабермаса принципиально отличается тем, что дискурс рассматривается им как множество актов вербальной коммуникации, или аргументации. В поле зрения Ю. Хабермаса прежде всего находится коммуникативное действие, в основе которого лежит интенция, приводящая в итоге притязания различных субъектов на универсальную значимость своих моральных усмотрений к консенсусу. Моральный дискурс, таким образом, рассматривается Ю. Хабермасом исключительно с коммуникативно-аргументативной стороны.

Дискурс: детерминант или функция?

У М. Фуко дискурс первичен по отношению к характеристикам и вещей, и идей. Соответственно, на уровне смыслообразования он является детерминантом социальной реальности. Для субъекта, погруженного в определенный дискурс, другой дискурс недоступен, и, наоборот, как только происходит погружение в другой дискурс, недоступным становится дискурс предшествующий. Точнее, он становится цитацией, или от-

сылкой, в новом дискурсе, он обогащает собой новый дискурс, но в первоначальном виде уже не функционирует. Применительно к моральной реальности дискурс выступает детерминантом в том плане, что именно дискурсивные механизмы и техники определяют смысл моральной реальности.

Ю. Хабермас находит социальную реальность, с которой мы соотносимся в регулятивных речевых действиях, уже изначально переплетенной с притязаниями на нормативную значимость. Общественная реальность приобретает моральное измерение, и, соответственно, бытие благодаря множеству притязаний на нормативную значимость, а признание истинности тех или иных притязаний сообщает реальности определенную моральную форму.

Для Ю. Хабермаса важны именно те моральные высказывания, которые могут быть истинными, потому что именно они конституируют социальную реальность. Притязания высказываний на истинность никоим образом «не квартируют» внутри самих вещей, а имеют место лишь в констативных высказываниях, опосредуя тем самым некую взаимозависимость между языком и социальным миром, в то время как действительное положение вещей существует вне зависимости от того, констатированы ли они посредством истинных предложений или нет.

Одна из главных функций дискурса, по Хабермасу, – корректировка социальной реальности, наделение ее истинными, т.е. «правильными» усмотрениями. Такая задача решается посредством проведения аргументированных дискуссий, реализующихся в дискурсе о моральных принципах. В моральной аргументации речь идет о том, что «должно делать то или другое, а не о том, каково обстояние вещей» [6, с. 82]. Методом корректировки социальной реальности является критика морали: «в то время как теоретическая критика вводящего нас в заблуждение повседневного опыта служит корректировке мнений и ожиданий, критика морали служит изменению образа действий или корректировке выносимых о нем суждений» [6, с. 80].

Таким образом, исследуя происхождение норм морали, М. Фуко обнаружил ее детерминированность дискурсом. Ю. Хабермас при изучении функционирования моральных феноменов полагал, что воспринимаемая социальная реальность задается самим притязанием на значимость. Истинная, или «корректная», социальная реальность является таковой благодаря истинности констативных моральных высказываний, их критической обоснованности посредством коммуникативно-аргументативных свойств дискурса.

Проблема обоснования моральных предписаний

Ю. Хабермас обращается к дискурсу с целью ответить на вопрос, каким способом могут быть обоснованы моральные предписания и нормы. С его точки зрения, моральные обоснования связаны с дискурсом, с реальным проведением аргументированных дискуссий не по прагматическим соображениям, не ради достижения равенства власти, а по внутренним причинам, для того «чтобы создать возможность для правильных моральных усмотрений» [6, с. 90].

Обосновывая значимость моральных предписаний, Ю. Хабермас говорит о связующем принципе, на основании которого достигается консенсус относительно этой значимости. Согласно этике дискурса, та или иная норма может претендовать на значимость лишь в том случае, если все участники практического дискурса, до кого она имеет касательство, достигают (или могли бы достичь) согласия в том, что эта норма имеет силу. Этика дискурса, таким образом, покоится на двух допущениях: во-первых, притязания на нормативную значимость обладают когнитивным смыслом и могут рассматриваться подобно притязаниям на истинность; во-вторых, обоснование норм и предписаний требует осуществления реального (не монологического) дискурса [6, с. 108].

По мысли М. Фуко, добраться до истоков дискурса, на основании которых можно было бы прийти к консенсусу, довольно сложно: он всегда ускользает, превращается в подавленное присутствие того, чего он не говорит, покоясь на безмолвном следе сказанного. В этом плане дискурс предстает скорее как помеха в обосновании истинности моральных предписаний. Мало того что дискурсы обладают властной способностью смыслообразования – в социальном измерении они транслируют властные интенции инстанций, пытающихся ими управлять. Поэтому объективное обоснование моральных высказываний оказывается принципиально недостижимым из-за невозможности избежать их дискурсивной нагруженности. Если говорить о субъективном обосновании морали, то здесь, скорее, следует говорить об «археологии» дискурсивных моральных пресуппозиций, имманентных определенному дискурсу. Впрочем, в поздних работах М. Фуко концентрируется на принципиальном вопросе обоснования морали – на вопросе о субъективности.

Роль субъекта дискурса

Для понимания роли и статуса субъекта в философии М. Фуко, нужно иметь в виду, что речь может идти о двух формах субъективности: универсальной и исторической. Посредством анализа дельфийских заповедей, лежащих в основе европейской культуры и соответствующей этой культуре форме субъективности, М. Фуко пришел к понятию исторического субъекта. Он обнаружил, что считавшаяся фундаментальной для европейской культуры заповедь «*gnothi seauton*» (познай самого себя) в ряде важных текстов может пониматься как следствие, как одна из форм заповеди «*epimeleia heautou*» (заботы о себе). «Я думаю, что, возможно, вопрос “*epimeleia heautou*” слишком долго пребывал в тени, куда его задвинул престиж “*gnothi seauton*”, и пора его из этой тени вывести» [7, с. 20]. Тем самым французский философ реконструировал историческую форму европейской морали, основанную на сформулированной Сократом заботе «о разумности, об истине и о душе своей, чтобы она была как можно лучше» [7, с. 18].

Что касается вопроса о возможности универсальной, неисторической субъективности, то первоначально в концепции М. Фуко субъект был отодвинут дискурсом на второй план. Сознание трактовалось как область, где происходит когнитивная объективация дискурсивных структур. Поскольку структура дискурса бесконечно сложна, постольку индивидуальность субъекта рассматривалась как следствие дискурсивных процессов. Как писал Фуко, «речь идет о том, чтобы отнять у субъекта (или у его заместителя) роль некоего изначального основания и проанализировать его как переменную и сложную функцию дискурса» [8, с. 40]. Однако при исследовании исторических форм субъективности было выяснено, что ее основа находится не в знании, но в самой критической активности. В позднем интервью М. Фуко говорил: «Я охарактеризовал бы философский этос, внутренне присущий критической онтологии нас самих, как историко-практическое испытание границ, которые мы можем пересечь, и, следовательно, как нашу работу над самими собой в качестве свободных существ» [9, с. 24]. Ярчайшим выражением подлинной человечности субъекта является, по М. Фуко, философская деятельность, ибо она есть «критическая работа мысли над самой собой». Такая деятельность инспирирована непосредственной активностью неисторического субъекта, который не может быть втиснут в рамки дискурса. Таким образом, от функции дискурса статус субъекта смещается в сторону его активного, критически ориентированного творца собственной исторической субъективности.

Отношение Ю. Хабермаса к идее субъекта довольно прозрачно. Немецкий мыслитель полагает субъекта не только участником, но и автором дискурса, в котором посредством наилучшего аргумента находится наиболее приемлемое для всех участников дискуссии моральное усмотрение.

Заклучение

Несмотря на парадигмальные расхождения, на метафизичность построений М. Фуко и антиметафизичность рассуждений Ю. Хабермаса, оба философа обращаются к дискурсу как способу решения гносеологических, онтологических и логических проблем морального знания. Основанные на различных философско-методологических установках, данные концепции могут быть совместимы и даже взаимодополнительны.

По мысли М. Фуко, человек живет под властью дискурса. Это значит, что моральный субъект, дабы сохранить самость и собственную человечность, должен проводить определенную критическую работу, осознавать дискурсивную природу социальной реальности, чтобы не попасть в сети бездушной машины дискурса. Подход М. Фуко открывает перспективы для онтологического обоснования морального дискурса в рамках постнеклассической этики. В этом плане моральный дискурс может пониматься как объективный механизм образования смысла моральных понятий и как область конституирования морального смысла социальной реальности на когнитивном уровне.

Ю. Хабермас предлагает для решения этических проблем использовать рационально организованную дискуссию, направленную на установление наилучшего аргумента. Данный подход ценен для исследования коммуникативного аспекта морального дискурса, направленного на поиск компромисса, устраивающего всех участников дискурса и признаваемого бесспорным.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фурс, В. Н. Полемика Хабермаса и Фуко и идея критической социальной теории / В. Н. Фурс // Логос. – 2002. – № 2. – С. 120–152.
2. Фливберг, Б. Хабермас и Фуко – теоретики гражданского общества / Б. Фливберг // Социол. исследования. – 2000. – № 2. – С. 127–136.
3. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – СПб. : Гуманитарная академия, 2004. – 416 с.
4. Фуко, М. Порядок дискурса / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону знания власти и сексуальности / М. Фуко. – М., 1996. – С. 47–96.
5. Фуко, М. Технологии себя / М. Фуко // Логос. – 2008. – № 2. – С. 96–122.
6. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2000. – 379 с.
7. Фуко, М. Герменевтика субъекта / М. Фуко. – СПб. : Наука, 2007. – 677 с.
8. Фуко, М. Что такое автор? / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону знания власти и сексуальности / М. Фуко. – М., 1996. – С. 7–46.
9. Колесников, А. С. Мишель Фуко и его «Археология знания» / А. С. Колесников // Археология знания / М. Фуко. – СПб., 2004. – С. 5–30.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 11.10.2016

Shatsernik M.G. A Comparative Analysis of the Philosophical and Ethical Theory of Discourse by M. Foucault and J. Habermas

The article presents a comparative analysis of approaches to the discourse of M. Foucault and J. Habermas. It is carried out on the basis of the implementation of the discursive approach to ethics. The criteria for comparison were the paradigmatic, ontological, teleological, epistemological, methodological features of discursive approach to ethics. Foucault's approach is focused on the identification of the essential characteristics of discourse as the ontological and epistemological foundation of moral concepts and judgments. J. Habermas's research studies were focused on finding the ways of communicative and argumentative methodology in order to justify universal significance of moral truths. Michel Foucault's approach offers the prospect of an ontological justification of discursive methodology of morality within postnonclassical ethics. The ideas developed by J. Habermas can be applied to the study of the communicative aspects of moral discourse.